ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1208

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXIV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2015 № 1208

СОДЕРЖАНИЕ

3895-3914 Стерх *Grus leucogeranus* в Якутии. В.Е.ФЛИНТ, А.А.КИЩИНСКИЙ

3914-3916 Нахождение выводков бородатой куропатки *Perdix dauurica* в каньоне реки Кызылтал в северо-восточных отрогах Джунгарского Алатау. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

3916-3919 К распространению и экологии куликов в Северном Приаралье и прилегающих районах. С.Н.ВАРШАВСКИЙ

3919-3920 Золотистая ржанка *Pluvialis apricaria* в Краснодарском крае. А.М.ПЕКЛО, В.С.ОЧАПОВСКИЙ

3920-3922 О гнездовании сизоворонки *Coracias garrulus* в железобетонной опоре уличного освещения. П.С.ПАНЧЕНКО

3922-3923 О необычном способе охоты малой выпи *Ixobrychus minutus*. И.Р.МЕРЗЛИКИН

3923 Зимние встречи степного орла *Aquila nipalensis* в Южном Казахстане. В.Г.КОЛБИНЦЕВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2015
Дата опубликования: 7 ноября 2015

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIV
Express-issue

2015 № 1208

CONTENTS

3895-3914 The Siberian crane *Grus leucogeranus* in Yakutia. V.E.FLINT, A.A.KISHCHINSKY

3914-3916 Finding broods of the Daurian partridge *Perdix dauurica* in Kyzyltau River Canyon in the north-eastern spurs of Jungar Alatau. N.N.BEREZOVIKOV

3916-3919 By the distribution and ecology of waders in the Northern Aral Sea region and surrounding areas. S.N.VARSHAVSKY

3919-3920 The golden plover *Pluvialis apricaria* in Krasnodar Krai. A.M.PEKLO, V.S.OCHAPOVSKY

3920-3922 Nesting of the European roller *Coracias garrulus* in reinforced concrete poles for street lighting. P.S.PANCHENKO

3922-3923 About an unusual manner of hunting of the little bittern *Ixobrychus minutus*. I.R.MERZLIKIN

3923 Winter records of the steppe eagle *Aquila nipalensis* in South Kazakhstan. V.G.KOLBINTSEV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2015

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск ***1208****: 3895-3914*

Стерх *Grus leucogeranus* в Якутии

В.Е.Флинт, А.А.Кищинский

*Второе издание. Первая публикация в 1975**

Стерх *Grus leucogeranus* Pallas 1773 гнездится только на территории СССР и относится к числу самых редких видов птиц. Несмотря на то, что в последние 15 лет изучению стерха уделено серьёзное внимание и сведения о нём приведены в ряде работ, основные биологические особенности этого вида остаются почти неизвестными, а в отдельных случаях литературные данные неверны. К сожалению, такие ошибочные сведения вошли в мировую литературу и, в частности, в Красную Книгу (Red Data Book) Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), куда стерх внесён как исчезающий вид.

Известно, что сейчас существуют две изолированные гнездовые области стерха, каждой из которых, вероятно, соответствует обособленная популяция. Обская популяция занимает бассейн нижней Оби, а якутская – низменные тундры северо-восточной Якутии.

Мы изучали биологию и распространение стерха в Якутии в 1965 и 1971-1973 годах. В 1971 году оба автора обследовали дельту реки Индигирки, в остальные годы стационарные работы проводились В.Е.Флинтом в кустарниковой тундре в окрестностях посёлка Берелях Аллаихорского района Якутской АССР. Радиус наземных обследований составлял около 30 км. Помимо наземных маршрутов, было сделано несколько облётов значительных участков ареала стерха (от реки Хромы на западе до реки Сундрун на востоке) на самолёте и вертолёте. Большую помощь в работе оказал студент Московского университета П.С.Томкович, которому авторы пользуются случаем выразить признательность. Ценные сведения получены от ряда лиц, с благодарностью упомянутых в тексте.

Летний ареал. Собственные наблюдения, обработка литературных данных, опрос местных охотников, оленеводов, рыбаков и лётчиков полярной авиации, а также беседы с зоологами, работавшими в разное время в тундре, лесотундре и северной тайге между реками Яной и Колымой, позволили нам нанести на карту точки встреч птиц и находок гнёзд или птенцов стерха и приблизительно оконтурить современную область его гнездования и регулярного летнего пребывания в 1960-1973 годах (рис. 1).

Крайний западный район обитания стерхов находится в междуречье Омолоя и Яны (Рощевский 1973). Далее, в восточной части дельты Яны пара птиц наблюдалась А.А.Кищинским и С.М.Успенским с 4 по

* Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1975. Стерх (*Grus leucogeranus* Pallas, 1773) в Якутии // *Зоол. журн*. **54**, 8: 1197-1212.

7 июля 1972, но гнездование не было установлено. Ещё несколько восточнее, в низовьях реки Чондон, гнездо стерха с кладкой было найдено Рощевским в 1970 году. По сообщению этого же автора, стерхов с птенцами наблюдал экипаж вертолёта на 71° с.ш. и 142° в.д. По сведениям охотоведа Г.Б.Переломова (устн. сообщ.), гнездование стерха зарегистрировано в Усть-Янском районе.

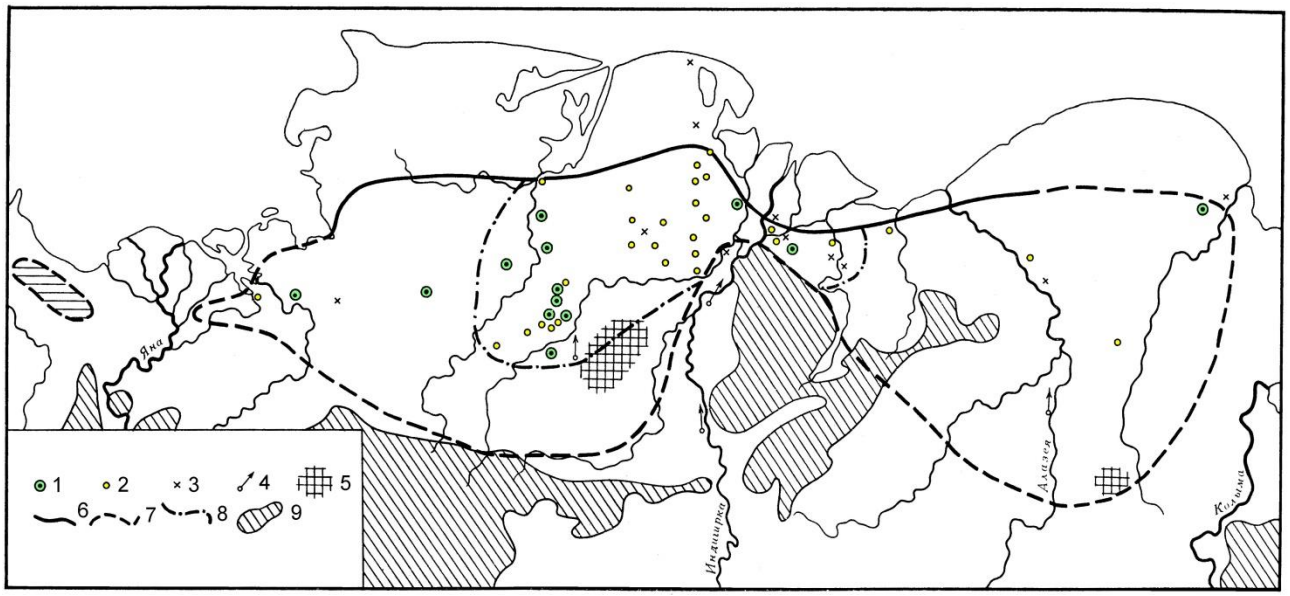

Рис. 1. Летний ареал якутской популяции стерха
(с использованием данных из работ: Воробьёв 1963, 1967; Перфильев 1963, 1965; Егоров 1965, 1971; Рощевский 1973; Успенский и др. 1962, а также собственных наблюдений 1965-1973 годов и опросных данных). 1 – места находок гнёзд или птенцов стерха; 2 – места встреч пар; 3 – места встреч одиночных птиц; 4 – наблюдения стерхов на пролёте (весеннем); 5 – местности, где пары стерхов встречались неоднократно (по опросным данным), но без точных указаний мест находок; 6 – граница гнездового ареала; 7 – граница гнездового ареала, приближённо; 8 – граница основной части гнездового ареала; 9 – горный ландшафт.

Далее к востоку значительное число гнёзд или птенцов найдено в болотистой низинной тундре, приблизительно ограниченной реками Берелях (Елонь), Хрома, Лапча, Гусиная и Русско-Устьинской протокой Индигирки. Здесь в 1960-1962 годах было найдено 10 гнёзд (Перфильев 1965), в 1965 году – 1 гнездо (Flint 1970) и в 1972 – ещё 1 гнездо. В этой же области наблюдалось большинство пар, зарегистрированных в 1960 году при авиаучётах С.Г.Приклонским и С.М.Успенским (устн. сообщ.), встреченных В.Е.Флинтом при наземных и вертолётных маршрутах в 1972-1973 годах, а также нанесённых на карту по сведениям, сообщённым начальником Береляхского отделения совхоза им. Чкалова Е.В.Едукиным в 1972-1973 годах. Несколько южнее реки Берелях у озера Эт-Хатарбыт гнездо в 1960 году было найдено Воробьёвым (1963). По устному сообщению Е.П.Степанченко, лётчики местных авиалиний постоянно наблюдают отдельные пары стерхов в лесотундре между реками Берелях и Аллаиха, где стерхи, по-видимому, обычны. По сведениям, сообщённым Е.В.Едукиным, пары стерхов ре-

гулярно встречаются и в тундрах левобережья реки Хромы. Севернее реки Гусиной гнездование стерха не отмечено.

К востоку от реки Индигирки ареал стерха резко сужается. С севера он ограничен здесь приморскими тундрами, где стерх определённо не гнездится, а с юга – обширным Кондаковским плоскогорьем. В этом участке ареала несколько пар и отдельные особи были встречены при авиаучётах С.Г.Приклонским и С.М.Успенским в 1960 году и нами в 1971 году в нижнем течении рек Керемесит, Шандрин и Сундрун. 8 августа 1971 мы наблюдали у реки Керемесит пару стерхов с подросшим птенцом. Кроме того, нам известна находка гнезда местными жителями в районе посёлка Полярный в том же году.

Далее к востоку, в нижнем и среднем течении рек Алазея, Чукочья и Коньковая, встречи стерха снова становятся спорадичными, хотя ареал заметно расширяется к югу. Сведения об этих встречах есть в работах Воробьёва (1963, 1967) и Егорова (1971). По опросным сведениям, стерхи гнездятся в нижнем течении Алазеи и у озера Большой Олер между реками Алазея и Чукочья.

Наиболее восточная находка относится к озеру Большое Морское, где, по устному сообщению Б.Н.Андреева, в 1972 году было встречено 6 пар стерхов, некоторые из которых имели птенцов. Наиболее южная точка приходится на группу озёр в 120 км северо-восточнее Среднеколымска, где в июле 1968 года 3 пары стерхов наблюдал В.Г.Кривошеев (устн. сообщ.). В нижнем течении Колымы и по её правобережью стерха в текущем столетии никто не находил. Не наблюдали стерха летом также южнее Кондаковского плоскогорья и в долине Индигирки.

Есть основания полагать, что как в западной, так и в восточной периферийных частях ареала (исключая центральный участок) стерхи гнездятся «пятнами» по 3-6 пар, отстоящими порой друг от друга на сотни километров. На такую мысль наталкивают устные сообщения В.Г.Кривошеева, Б.Н.Андреева и Г.Б.Переломова, уже упоминавшиеся в тексте.

Таким образом, летний ареал якутской популяции стерха включает типичные и южные тундры, лесотундру и, возможно, самую северную полосу тайги между реками Яна на западе и Колыма на востоке. В подзоне арктических тундр стерх не гнездится. В пределах гнездового ареала стерх не гнездится ни в приморских дельтовых низинах, ни в поймах рек, ни на сухих возвышенностях и нагорьях.

Общая площадь гнездового ареала стерха составляет предположительно около 130 тыс. км^2, однако территория сравнительно высокой плотности популяции и регулярного гнездования едва ли превышает 30 тыс. км^2.

Часть птиц летует вне этого ареала. Так, например, в середине июня 1959 года одиночный стерх добыт в устье реки Таммы, в 50 км

южнее Якутска (Г.П.Ларионов, устн. сообщ.), а 7-8 июня 1959 шесть птиц наблюдались в среднем течении этой реки.

Пролёт и зимовки. Весенний и осенний пролёт, а также места зимовки якутского стерха представляют пока загадку. Большинство наблюдений за весенним пролётом (Воробьёв 1963, 1967; Успенский и др. 1962; Перфильев 1963, 1965) относятся к долинам нижнего течения рек Индигирка и Алазея, т.е. к непосредственным «подступам» к гнездовому ареалу. Из удалённых от границы ареала точек на территории нашей страны можно назвать только среднее течение реки Баргузин (10 мая 1962 двух взрослых птиц здесь наблюдал В.Е.Флинт) и нижнее течение Амура (5 апреля 1965 В.Г.Панченко наблюдал одиночного стерха у озера Болонь, устн. сообщ.). Отмечен также весенний пролёт стерхов на север по нижней Лене у посёлка Сектях в 1956 году (Капитонов 1962).

На осеннем пролёте 16 сентября 1962 В.Г.Кривошеев наблюдал пару стерхов с молодым в районе Средне-Колымска (Воробьёв 1963). Южнее в последние годы достоверна только одна встреча: с 12 по 20 августа 1965 шесть стерхов держались в пойме реки Борзи (А.Н.Леонтьев, устн. сообщ.). Вместе с тем на территории предполагаемой области пролёта (Прибайкалье, Приамурье) подолгу работали квалифицированные орнитологи (Т.В.Гагина, И.В.Измайлов, Г.К.Боровицкая, О.К.Гусев), которые даже не упоминают о стерхе в своих работах. По-видимому, если стерхи пролетают через эту область, то дисперсно, на большой высоте и в сжатые сроки.

За пределами нашей страны до 1940-х годов стерхи были обычны на весеннем (конец марта – начало апреля) и осеннем (октябрь – начало ноября) пролёте вдоль северо-западного побережья заливов Ляодунского и Бохайвань (LaTouche 1933; Hemmingsen, Guildal 1968). Хеммингсен в 1942-1945 годах за две весны и четыре осени, проведённые им у Пейтай-хо и Циньхуандао (северо-западное побережье Ляодунского залива), наблюдал 984 особи. Две виденные им 28 марта 1945 стаи насчитывали по 200-300 птиц. Можно думать, что в те годы этим узким коридором пролетали почти все якутские стерхи, хотя сообщение о столь большом количестве птиц в отдельных стаях кажется нам несколько преувеличенным. Как обстоит дело с весенним пролётом в этом районе сейчас, неизвестно. Однако несомненно, что экологическая обстановка в Северо-Восточном Китае за последние 20-30 лет существенно изменилась в связи с резким увеличением населения и всеми сопутствующими этому обстоятельствами, что не могло не отразиться и на миграционных путях стерха. В Японию стерх лишь залетает, и то далеко не каждый год (Y.Yamashina, устн. сообщ.).

Ещё меньше известно о зимовках якутской популяции стерха. Широко бытующее и вошедшее во все орнитологические сводки (Судилов-

ская 1951; Makatsch 1959; Walkinshaw 1973) представление о том, что стерхи зимуют в нижнем течении реки Янцзы, основано на сведениях Латуша (LaTouche 1931-1933). Сам Латуш стерхов там не видел и, вероятно, базировался на сообщении Стайена, который писал: «White Cranes of small size which I take to be of this species, are common of the Yangtse in winter» (Styan 1891). Сам этот исследователь видел белых журавлей невдалеке от Шанхая в январе 1889 года. Добыть птиц он не смог, но визуально определил их как стерхов. Это единственное известное нам сообщение, содержащее конкретные факты. Давид (David, Oustalet 1877), проведший в Китае довольно долгое время, считал стерха очень редкой птицей, что как-то не вяжется с представлением о регулярной зимовке целой популяции.

В настоящее время долина нижней Янцзы – один из наиболее освоенных и густо заселённых аграрных районов КНР. Если даже признать возможность зимовки там стерхов в прошлом, у нас мало оснований считать, что это положение сохранилось сейчас.

Особого обсуждения заслуживает высказывание Латуша (1933) о возможности зимовки пролетающих через Китай стерхов в северо-западной Индии. Зимовка в Гхана Бхаратпур, где сейчас расположен заповедник, известна давно. Стерхи зимовали там регулярно до 1880 года, а потом исчезли. В 1960 году в Гхане вновь появились 3 птицы, и с тех пор зимовка восстановилась, причём общее число птиц, проводящих там период с середины декабря до начала марта, колеблется от 30 до 200, а чаще – 70-80 (Walkinshaw 1973). Зимой 1969/70 года в заповеднике зимовало только 12 стерхов (Savage 1970), но именно в это время (26 марта 1970) 76 стерхов было обнаружено Конингом (Koning 1972) в Афганистане у озера Аб-и-Эстада. В последующие годы это озеро высохло, а количество стерхов в Гхане снова возросло до 70-80 особей. Таким образом, есть основания предполагать, что Индия и Афганистан представляют собой единую область зимовки, в пределах которой возможны временные перемещения птиц. Если же учесть регулярное появление стерхов на пролёте в Тургайской депрессии и Астраханском заповеднике, а также отсутствие каких-либо данных о встречах их в странах Передней и Малой Азии, можно с достаточным основанием говорить о том, что в Индии и Афганистане зимует обская популяция. Это предположение тем более правдоподобно, что общее число пролетающих в Казахстане и Астраханском заповеднике стерхов близко к тому, что наблюдается на зимовке в Гхане.

С другой стороны, однако, известные, хотя и редкие встречи стерхов в пролётное время на озере Кукунор (Пржевальский), над Гималаями (Donald 1952), в Северной Монголии (Radde 1963) и Прибайкалье, а также спонтанное возрастание количества стерхов в отдельные годы до 200 особей на зимовке в заповеднике Гхана Бхаратпур невольно

наталкивают на мысль о возможности зимовки в Индии также части якутской популяции. Естественно, что предположение это нуждается в документальном подтверждении.

Таким образом, вопрос о местах зимовки якутской популяции стерха остаётся открытым. Не исключено, что зимовки окажутся непостоянными и крайне дисперсными. Вопрос этот представляется чрезвычайно важным, так как от его решения во многом зависят меры по сохранению стерха.

Возрастная изменчивость окраски. При характеристике возраста стерхов современные исследователи, как правило, не идут далее выделения самых общих категорий – «взрослый», «молодой», «неполовозрелый» (Uspenski 1961; Перфильев 1965). Вместе с тем ещё в прошлом веке Хьюм (Hume 1868) заметил, что у стерха, как и у большинства других крупных птиц, окончательный наряд формируется на протяжении ряда лет. Наши наблюдения подтвердили это. Нам удалось рассмотреть в бинокль с достаточно близкого расстояния 26 птиц. Кое-какие данные оказалось возможным привлечь при анализе литературы (Успенский и др. 1962; Перфильев 1965) и коллекционных материалов. Таким образом, весь материал, иллюстрирующий возрастную смену нарядов, составляет 41 птицу. По окраске оперения и неоперённых участков они распадаются на 4 чётко ограниченные группы. Исходя из строгой сезонности размножения вида, определяющей возрастной интервал между последующими генерациями в один год, и учитывая, что ступенчатая изменчивость наряда или иных морфологических признаков практически у всех видов птиц отражает именно этот интервал, мы выделяем 4 возрастных группы.

Возраст 1 год. Белое оперение тела и крыльев густо испещрено серо-жёлтыми пятнами, отчего птица в полёте кажется не белой, а сероватой (особенно против солнца). Ноги, клюв и неоперённый участок кожи на голове («лицо») тёмные (издали кажутся чёрными).

Возраст 2 года. Общий тон окраски белый, но на затылке, задней стороне шеи и на спине между крыльями хорошо заметные тёмные участки. На крыльях отдельные серо-жёлтые перья. Клюв и «лицо» тёмные, но ноги уже красные.

Возраст 3 года. Оперение чисто белое, за исключением задней стороны шеи и участка спины между крыльями, где сохраняются сероватые пятна. Ноги, клюв и неоперённый участок кожи на голове красные.

Возраст 4 и более лет. Оперение чисто белое, ноги, клюв и неоперённый участок кожи на голове красные. Возможно, что этот наряд птица одевает только на 5-й год жизни.

Возрастная структура популяции. Если рассматривать всех птиц, которых мы наблюдали в природе, и птиц, о которых имеются достаточно надёжные литературные данные в качестве пробы из по-

пуляции, то возрастной состав в пределах гнездового ареала может быть охарактеризован следующим образом (см. таблицу).

Возрастной состав популяции стерха

Возраст, годы	Кол-во особей	%	Возраст, годы	Кол-во особей	%
1	3	7.3	3	14	34.1
2	7	17.0	4 и старше	47	41.6

Поскольку пары, гнездование которых было твёрдо установлено, всегда состояли из птиц 3-летнего возраста или старше, мы считаем, что стерхи приступают к размножению в возрасте не менее 3 лет. Аналогичные высказывания относительно стерха есть и в работе Хьюма (1868), а относительно других крупных журавлей – в работе Дж.Арчибальда (Archibald 1973). Таким образом, потенциально способные к размножению птицы составляют около 75%, тогда как на долю неполовозрелых особей падает только 25% от общего числа птиц, летующих в гнездовом ареале. Это ещё раз подтверждает мысль о том, что часть молодых птиц проводит лето где-то вне гнездового ареала.

Социальная структура популяции. Репродуктивный потенциал популяции зависит от того, в каких сочетаниях держатся в гнездовой период птицы разного возраста и каково происхождение этих сочетаний. Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим все надёжно протоколированные встречи стерхов за период исследования.

А. Одиночные птицы. Все 3 зарегистрированные встречи одиночек относятся к неполовозрелым особям в возрасте 1 года или 2 лет.

Б. Пары. Возрастной состав пар бывает различным: 1) Взрослая птица в возрасте 4 года или старше и годовалая птица. Таких пар встречено две. Это, несомненно, остатки семей, в которых один из родителей погиб во время миграции. Как известно, у крупных журавлей птенцы прошлогоднего выводка возвращаются с родителями в гнездовой ареал и покидают их только при образовании гнездовой территории (Нейфельдт 1973; Walkinshaw 1973). Исключение, по-видимому, представляет только американский журавль *Grus americana* (Novakowski 1966). 2) Взрослая птица (в возрасте 3 года или старше) и молодая в возрасте 2 лет. Эти пары уже придерживаются совершенно определённой территории на протяжении всего гнездового периода, но к размножению не приступают. Таких пар встречено три. Мы считаем, что это вновь образовавшиеся пары в первый год их совместной жизни, т.е. потенциальный репродуктивный резерв. 3) Две половозрелые птицы в возрасте 3 года или старше, образующие также территориальную пару. Таких пар встречено 5, из них 2 определённо гнездились. Эти 5 пар и представляют собой реальный репродуктивный резерв в пробе

из популяции. Реальность эта, однако, весьма относительна, так как размер гибели кладок не учтён.

В. Группы по три и более птиц. 6 июня 1973 была встречена группа из 3 взрослых стерхов, которые вели себя как пролётные птицы. Судя, однако, по поздней дате, в текущем сезоне они уже были обречены на кочевой образ жизни.

Таким образом, неразмножающаяся часть популяции (резерв холостых особей) составляет в пределах гнездового ареала не менее 61.5%, а реально способная к размножению (без учёта гибели кладок) – всего 38.5%. Существенно, что среди встреченных в летнее время стерхов в парах держатся около 80% птиц, а территориальные пары составляют около 62%. Очень важно и то обстоятельство, что из всех встреченных в парах стерхов только половина может быть условно отнесена к числу гнездящихся. Это всегда нужно учитывать при обработке и экстраполяции материалов авиаучётов.

Численность. Трезвая оценка современной численности стерха – одна из центральных задач при разработке мероприятий по его охране. Литературные данные по этому вопросу противоречивы. Так, Воробьёв (1963) определяет общую численность стерхов якутской популяции в 200-250 гнездовых пар, Перфильев (1965) – в 300-350 гнездовых пар, Успенский (Uspenski 1961) – в 500-700 гнездовых пар. Наконец, Егоров (1971) называет самую оптимистическую цифру – 1500 особей. Согласно нашим данным, численность якутской популяции стерха в 1971-1973 годах составляла около 100 территориальных пар и 100 холостых птиц (в разных сочетаниях), т.е. в целом примерно 300 особей.

Возникает вопрос: чем объяснить такое несоответствие в оценках разных исследователей? Является ли оно результатом реального снижения численности в конце 1960-х годов или объясняется лишь методическими расхождениями при оценке учётных данных? Вопрос этот принципиально важен и чтобы ответить на него, необходимо детально проанализировать исходный материал.

При определении численности стерха в 1971-1973 годах мы опираемся на данные о плотности популяции в основной части ареала, где она наиболее высока (рис. 1). Эти данные получены двояким путём. Во-первых, мы определяли среднее расстояние между территориальными парами стерхов. В 1972 году между посёлком Берелях и рекой Хромой с вертолёта и при наземных маршрутах удалось зарегистрировать 5 таких пар (у озёр Баранаатталаах и Дьяра-Кюэль, у высоты Адягыр, в северо- восточном углу озера Бюгючээн и в урочище Океан). В 1973 году территориальные пары были встречены там же. Кратчайшие расстояния между ними соответственно равнялись 30, 27, 14 и 30, в среднем 25 км. Исходя из этого, можно с достаточным основанием говорить, что в среднем одна территориальная пара приходится на пло-

щадь 625 км². Учитывая, что территориальные пары составляют около 62% популяции в гнездовом ареале, мы получаем общую плотность, равную 5.1 особей на 1000 км², причём ошибка здесь возможна только в сторону некоторого завышения.

Второй метод определения плотности популяции – маршрутный учёт с воздуха. 8 августа 1971 между реками Хрома, Гусиная, Индигирка и Сундрун, т.е. в районе с высокой плотностью популяции, был проведён учёт на маршруте протяжённостью в 770 км при ширине учётной полосы 3 км. Учётная площадь составила, таким образом, 2300 км². На этой площади было учтено 11 стерхов, в том числе 1 пара с подросшим птенцом. Расчёты показывают, что плотность популяции, куда входят как территориальные пары, так и холостые особи, близка к 4.8 особей на 1000 км².

Почти абсолютное совпадение результатов, полученных двумя различными способами, говорит об их объективности. Во всяком случае, эти данные вполне реальны для центральных частей ареала, где плотность популяции может быть определена в 5 особей на 1000 км², в том числе 1-2 территориальные пары. Экстраполируя этот показатель на площадь основной части гнездового ареала в 30 тыс. км², можно считать, что общая численность стерхов там составляет около 150 особей, в том числе около 50 территориальных пар. Принимая во внимание также обширную, но редко заселённую периферийную часть ареала, мы считаем возможным остановиться на конечной цифре в 300 птиц, в том числе 100 территориальных пар и 100 птиц холостого резерва.

Обратимся теперь к анализу исходных данных наших предшественников. Воробьёв (1963) вообще не аргументирует своего вывода. Так же мало аргументировано заключение Перфильева (1965). Несмотря на то, что этот исследователь располагал цифровыми данными маршрутного учёта (длина маршрута за три полевых сезона 900 км, встречено 107 птиц, найдено 10 гнёзд), при определении общей численности он не приводит расчётов, а ограничивается формальным указанием («на основании наших исследований»). Вместе с тем использовать ретроспективно цифровые данные Перфильева можно. Если допустить, что загнездившиеся пары составляли половину всех стерхов, встреченных в парах (см. выше), и что у большинства размножавшихся пар гнёзда были найдены (к чему исследователь определённо стремился), то расстояние между отдельными территориальными парами оказывается близким к тому, что наблюдали мы.

Успенский (Uspenski 1961) аргументирует свою оценку численности достаточно подробно. На основании учётов с воздуха (протяжённость и трасса в работе, к сожалению, не приведены) он установил, что расстояние между гнездовыми (правильнее было бы говорить – территориальными) парами составляет от 12-14 до 30-35, в среднем около

20 км. Исходя из этого, автор определяет плотность популяции в 25 гнездящихся пар на 100 км^2, что при экстраполяции на площадь ареала в 2500-3000 км^2 позволяет ему оценить общую численность в 500-700 гнездящихся пар. Нетрудно заметить, что при расчётах здесь допущены элементарные арифметические ошибки, причём на два порядка при определении плотности популяции и на один порядок (с обратным знаком) при оценке площади ареала. Это можно было бы рассматривать как следствие типографской опечатки, если бы все цифровые данные и расчёты не были бы дословно повторены в более поздней работе (Успенский и др. 1962). К сожалению, эти же данные вошли официально в Красную Книгу МСОП. В действительности же исходные материалы (расстояние между территориальными парами) оказываются верными и близкими к нашим.

Самые фундаментальные расчёты приведены в работе Егорова (1971). Он проводил учёты с самолёта и вертолёта в 1963, 1964 и 1966 годах. На маршруте общей протяжённостью 1650 км при ширине учётной полосы 1 км он зарегистрировал встречи 77 стерхов, что при пересчёте даёт плотность популяции от 0.45 до 0.50 особей на 10 км^2. Исходя из общей площади ареала 32000 км^2, автор определяет суммарное число стерхов в 1500 особей. Аргументация безукоризненна. Однако в расчётах Егорова настораживают два обстоятельства. Во-первых, он определяет ширину учётной полосы в 1 км, т.е. 0.5 км по каждому борту машины. Между тем, стерх – крупная и заметная птица, и во вторую половину лета на фоне зелёной тундры его видно за 1.5-2 км. К этому следует добавить особый психологический фактор: стерх вызывает повышенный интерес, и мы, обладая известным опытом авиаучётов, просто не можем себе представить, чтобы стерх, зарегистрированный на расстоянии, превышающем 0.5 км, не был бы внесён в учётную карточку. Иными словами, мы считаем, что учётные данные должны быть пересчитаны на полосу шириной не менее 3 км. Во-вторых, августовский учёт 1963 года фигурирует и в другой работе (Егоров 1965), где автор, однако, характеризует его совершенно иными параметрами: длина маршрута 800 км (вместо 400), а ширина учётной полосы 0.5 км (вместо 1 км^2). Нет никаких оснований исключить предположение, что подобной же «переработке» подверглись и маршруты 1964 и 1966 годов.

На первый взгляд ретроспективное изменение параметров маршрута не должно сказаться на конечном результате, так как учётная площадь остаётся неизменной. Однако подобная постановка вопроса коренным образом меняет такой показатель, как встречаемость, т.е. количество птиц, зарегистрированных на единицу маршрута. Поэтому мы считаем, что за истинную длину маршрута следует принять ту, которую сам исследователь привёл в своей первой работе. Если сопоставить это с упоминавшимся психологическим фактором, результаты

учёта предстанут в совершенно ином виде: на маршруте длиной 800 км при ширине учётной полосы 3 км встречено 18 стерхов, что при пересчёте даёт показатель плотности популяции не 45 особей на 1000 км^2, как утверждает Егоров, а всего лишь немногим более 7, что вполне сравнимо с нашими данными.

Таким образом, сравнительный анализ исходных данных показывает, что расхождения в общей оценке численности стерха разными авторами обусловлены не реально существующей ситуацией, а методическими погрешностями. Есть основания полагать, что популяция стерха сейчас относительно стабильна, и если в последние годы и произошло некоторое снижение численности, то оно не было значительным.

Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о прошлом распространении стерха, которому будет посвящена специальная работа, мы тем не менее можем констатировать заметное снижение численности этого вида на протяжении последних 200 лет. Несомненные свидетельства о встречах стерха в летний период в Приуралье, Казахстане, Западной Сибири и Прибайкалье, обобщённые в работе Кирикова (1966), хотя и не доказывают его гнездования там, но позволяют судить об общем значительном резерве холостых бродячих особей, составляющих, естественно, лишь часть популяции, размеры которой, по-видимому, существенно превышали современные. Об этом же говорят наблюдения больших перелётных стай, насчитывавших иногда до 300 птиц (Кириков 1966). Современный реальный запас стерхов угрожающе мал, темпы размножения низки, и это в сочетании с исторической тенденцией к дальнейшему сокращению численности не оставляет места для оптимистических прогнозов, отзвуки которых проскальзывают в печати (Егоров 1971).

Биология, размножения. Стерхи прилетают на места гнездования в последнюю декаду мая, когда тундра ещё в значительной мере покрыта снегом (Перфильев 1965). По времени прилёт совпадает с массовым пролётом гусей. Прилетают стерхи обычно парами, несколько реже встречи одиночных особей и групп из 3 птиц. По данным Перфильева (1965), иногда наблюдаются стаи по 5-10 особей, однако это, скорее, исключение.

Предгнездовой период у стерхов очень короток. Во всяком случае места, где располагаются гнёзда, освобождаются от снега только в самых первых числах июня (1-4 июня), а полные кладки в гнёздах были найдены уже 7, 10 и 11 июня (Перфильев 1965; наши данные). Сроки откладки яиц зависят от погодных условий данной весны и могут существенно варьировать. Так, яйца с полностью сформировавшимися и покрытыми пухом зародышами Перфильев (1965) находил 8 июля 1962, тогда как мы аналогичную стадию развития застали уже 23 июня 1972. Сроки инкубации стерха неизвестны, но, исходя из про-

должительности насиживания у других крупных журавлей (японского *Grus japonensis*, американского, даурского *G. vipio)*, которая составляет 30-35 сут (Archibald 1973), можно определить возраст этих эмбрионов в 22-24 дня. Таким образом, сроки откладки яиц в приведённых двух случаях будут соответственно 15-17 июня и 31 мая – 1 июня, т.е. разница составляет более 2 недель. Весна 1972 года действительно была необычайно ранней. Описанный Воробьёвым (1963) случай нахождения ненасиженной кладки стерха 2 июля, несомненно, объясняется тем, что эмбрионы погибли (возможно, от охлаждения). В таких случаях самка продолжает насиживание очень долго (Перфильев 1965). Можно быть уверенным, что к середине июля даже в самых поздних кладках птенцы уже вылупляются. Конкретный случай вылупления птенцов зарегистрирован только однажды, 28-29 июня 1960 (Воробьёв 1963).

По-видимому, как и у многих других журавлей, в кладке вылупляются оба птенца, но один из них гибнет в первые дни жизни. Во всяком случае, оба яйца всегда оказывались оплодотворёнными (Перфильев 1965; наши данные), тогда как при взрослых птицах мы неизменно наблюдали одного подросшего птенца. На зимовках в Индии в состав семей стерхов всегда входят 2 взрослые птицы и 1 молодая (Hume 1868).

Расположение и устройство гнёзд, величина кладки, размеры и окраска яиц стерха описаны достаточно подробно (Воробьёв 1963; Перфильев 1963, 1965). Добавим лишь, что гнездовые территории стерхов всегда приурочены к более или менее обширным плоским приозёрным котловинам (лайдам), заливаемым весной талыми водами на глубину 25-50 см. Связь места для устройства гнезда непосредственно с берегом озера или перешейком между двумя озёрами, которую подчёркивают Воробьёв и Перфильев, носит случайный характер.

Гнездо, по-видимому, может использоваться несколько лет подряд. Во всяком случае, одно из осмотренных нами гнёзд состояло из отчётливо выраженных слоёв старой, пропитавшейся водой осоки, тогда как верхний слой, образующий непосредственно лоток, был сделан из совершенно сухих стеблей и листьев. Осока для лотка была собрана птицами в непосредственной близости от гнезда, и это место сразу бросалось в глаза. Аналогичные данные приведены в работе Рощевского (1973).

В насиживании яиц принимают участие, по-видимому, обе птицы. Во всяком случае, Рощевский (1973) сообщает, что при смене партнёров на гнезде подлетевшая птица делает «своеобразный поклон», после чего сменяет насиживающую. Мы провели вблизи одного из гнёзд стерха около 50 ч, но смены партнёров не наблюдали. Правда, постоянного наблюдения за гнездом не велось, однако каждый раз, когда мы осматривали в бинокль гнездо с насиживающей птицей, ею всегда

оказывалась самка (помимо мелких размеров, она отличалась от самца окраской, соответствующей трёхлетнему возрасту). Нужно, однако, добавить, что яйца были в последней стадии инкубации, и, возможно, с этим связан такой нетипичный для журавлей режим насиживания.

В поведении самца в этот же период прослеживалась строгая цикличность: днём он отсутствовал и кормился за пределами нашей видимости, а ночью находился в 100-150 м от гнезда. Однако мы ни разу не наблюдали его спящим. Несмотря на то, что днём самец удаляется до 2 км, он поддерживает зрительную связь с насиживающей самкой. Во всяком случае, при слёте самки с гнезда он всегда присоединялся к ней через 1-2 мин.

Насиживающая самка сидит на гнезде несколько распластавшись и держит голову невысоко, лишь при тревоге вытягивая шею вверх. Птица всё время поворачивает голову, осматривая окрестности. Примерно раз в 2 ч она встаёт и переворачивает яйца. Садясь на гнездо, сначала приседает низко, затем опускает грудь, накрывая взъерошенным оперением яйца, и после этого окончательно садится, подгибая ноги. С интервалами в 1 ч она на короткое (до 5 мин) время засыпает, спрятав голову в оперении спины. При появлении человека в радиусе около 2 км спокойно покидает гнездо и, отойдя на 100-150 м, молча взлетает. При дальнейшем приближении человека садится в 100-150 м и демонстративно отходит, несколько пригнувшись и расправив крылья в горизонтальной плоскости. Самец во время отвлекающей демонстрации самки дублирует её действия, но держится на несколько большем расстоянии от угрожающего объекта. В полёте вблизи гнезда он также держится выше и сзади самки.

Если человек появляется вблизи гнезда внезапно, насиживающая птица слетает без отвлекающей демонстрации и долго не возвращается на гнездо. Таким образом, поведение стерхов у гнезда существенно не отличается от поведения других журавлей.

Сон. Наблюдать спящих стерхов нам пришлось трижды: один раз это была одиночная птица, в двух других случаях – территориальные пары. Все три раза мы наблюдали спящих стерхов ночью, между 3 и 5 ч. Для сна птицы выбирают открытые, залитые водой участки лайды, удалённые не менее чем на 100 м от ближайшего бугра или кустов. Спящий стерх стоит на одной ноге, спрятав другую в оперение живота. Голова спрятана под крыло сверху, шея прижата к телу. Каждые 4-5 мин спящая птица просыпается, поднимает голову и осматривается, после чего засыпает снова. Иногда проснувшаяся птица вытягивает горизонтально крыло или делает несколько движений свободной ногой. Общая протяжённость сна, по нашим наблюдениям, не превышала 2 ч. В одном из случаев сон сменился кормёжкой, в двух других – чисткой оперения. Сон на одной ноге со спрятанной под крыло

головой, вероятно, можно считать полным глубоким сном. Несомненно, что в течение суток он дополняется периодами частичного сна, во время которого птицы неподвижно стоят, не принимая характерной для глубокого сна позы. Таких птиц мы неоднократно и подолгу наблюдали в любое время суток.

Питание. Как показал анализ желудков, стерхи являются всеядными птицами (Uspenski 1961; Ушенский и др. 1962; Воробьёв 1963; Перфильев 1965). Основу их пищи, однако, составляют растения, что на индийских зимовках установил ещё Хьюм (Hume 1868). В тундрах главный их корм – корни, корневища и прорастающие стебли осок, пушиц, злаков, чемерицы и других растений, ягоды шикши. Вместе с тем стерхи часто поедают мелких грызунов, насекомых, изредка рыбу. В соответствии с этим и способы добывания пищи у стерхов различны. На залитых водой болотистых лайдах стерхи кормятся интенсивно, но сравнительно кратковременно (каждая кормёжка занимает 15-20 мин). Птица в это время почти не перемещается, погружает клюв и голову в воду, поворачивая клюв вбок или на себя почти под прямым углом, энергично выдёргивает подводные части растений и, подняв голову, глотает их. Глубина воды в местах кормёжки не превышает 25-30 см.

Совершенно иначе кормятся стерхи на сухих буграх или на мохово-осоковой полигональной тундре. Здесь птицы неспешно, хотя и довольно быстро, перемещаются на весьма значительное расстояние, иногда останавливаются на мгновение, внимательно осматривают грунт и снова продолжают движение. По-видимому, именно при такой кормёжке они добывают животную пищу (грызунов, насекомых), а также ягоды.

«Танцы» стерхов. Танцы стерхов упоминаются и даже описаны неоднократно (Успенский и др. 1962; Перфильев 1965). Однако все эти описания сделаны со слов «очевидцев» и, судя по всему, искусственно подогнаны к описанию «танцев» серого журавля *Grus grus:* авторы формально использовали наиболее изученную схему. В действительности «танцы» стерха достаточно своеобразны. Нам дважды пришлось стать свидетелями «танцев» стерхов. В первый раз мы наблюдали «танец» одиночной птицы в возрасте 2 лет с расстояния около 100 м 16 июня 1972, во второй – самца из территориальной пары с расстояния около 800 м 16 июля 1973. По нашим наблюдениям, «танец» стерха состоит из следующих основных элементов:

1) Прыжки. Птица делает 3-4 высоких, до 2-3 м, прыжков вверх и несколько в сторону, сопровождая их сильными взмахами крыльев, причём ноги во время прыжка направлены в сторону, противоположную движению тела. Прыжками птица обычно начинает танец, но иногда вставляет их между следующими элементами.

2) Поклоны. Птица нагибает голову и шею вперёд и откидывает их

назад несколько раз со всё увеличивающейся амплитудой и в нарастающем темпе. На заключительной фазе в крайнем верхнем положении голова и шея закидываются почти на спину, а в крайнем нижнем – далеко просовываются назад между ногами. Наклон сопровождается подниманием развёрнутых крыльев вверх, запрокидывание головы – складыванием крыльев при одновременном поднятии локтевых суставов и развёртыванием направленных вниз первостепенных маховых, образующих контрастное чёрное пятно (рис. 2, а, в).

3) Вокализация. Птица внезапно замирает с плотно прижатым оперением и сложенными крыльями в почти вертикальной позе, издавая короткий двухсложный крик (нечто вроде *«ли – ааа... ли – ааа...ли – ааа...»)*, причём первый слог произносится несколько выше второго. При произношении первого слога клюв птицы направлен вверх и чуть назад, при произношении второго он резко опускается и смотрит вперёд и вниз (рис. 2, в, г).

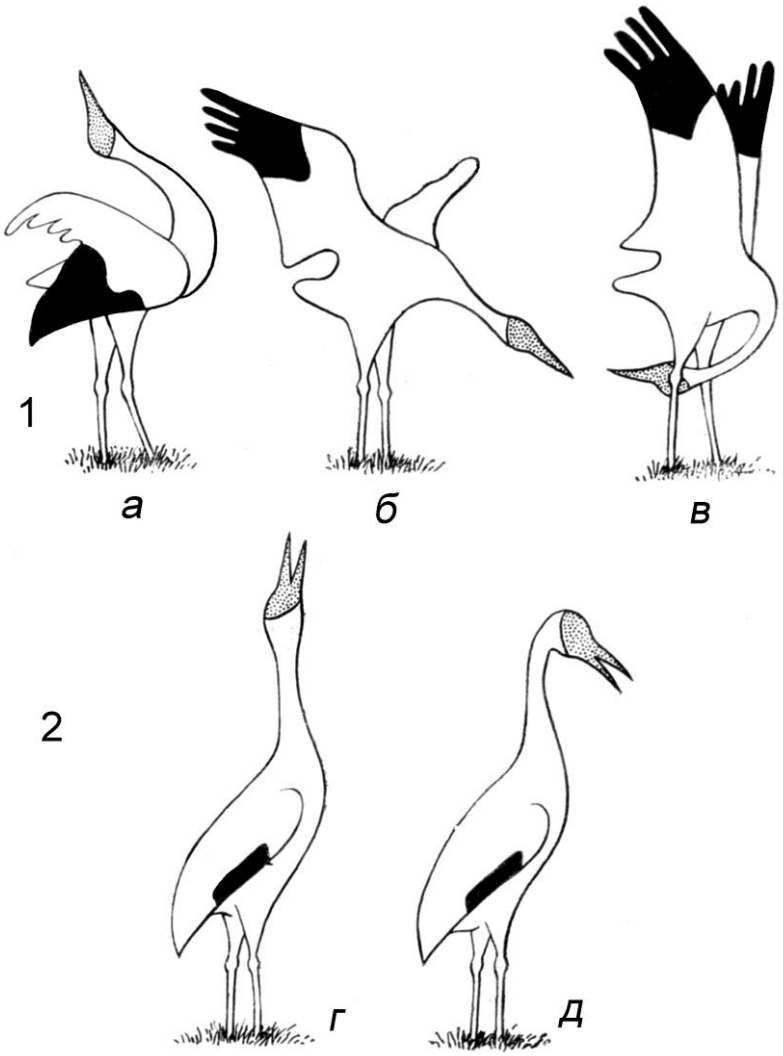

Рис. 2. Позы стерха при «танцах»
1 – поклоны: а – откидывание головы и шеи назад, б – промежуточная поза с полуразвёрнутыми крыльями, в – конечная фаза поклона; 2 – вокализация: г – первая фаза: клюв направлен вверх; д – вторая фаза: клюв направлен вперёд и вниз.

«Танцы» могут происходить на месте и «на ходу», оба раза мы наблюдали их в мелкой воде. Одиночная птица все элементы «танца» проделала, не перемещаясь; самец из территориальной пары на быстром шагу выписывал подобие вытянутой восьмёрки около 20-30 м в длину. Самка в это время неподвижно стояла, вытянувшись почти вертикально (настороженная поза) в 10-15 м от самца. Последовательность отдельных элементов в обоих случаях была одинаковой. У стерха, как и у других журавлей, «танцы» не имеют прямой связи с репродуктивным циклом и являются лишь выражением возбуждения птицы. По-видимому, они могут происходить в любое время года и в любых сочетаниях партнёров, вплоть до одиночного «танца».

Для сравнения отдельных элементов «танца» стерха с «танцами» других журавлей мы просмотрели многие десятки фотографий и этограмм. Анализ этого материала подтвердил высказанное Хайнротами (Heinroth O., Heinroth M. 1928) мнение о том, что, несмотря на известное сходство, «танцы» стерха имеют важные специфические особенности, отличающие их от «танцев» серого, японского и других журавлей. Так, только прыжки оказываются общими для «танцев» всех представителей рода *Grus*. Поклоны, которые также встречаются в «танцах» других журавлей, у стерха уже в значительной мере трансформированы. Крайняя передняя позиция для других журавлей вообще неизвестна, а крайняя задняя встречается лишь во время «унисонного дуэта», т.е. в совершенно иной ситуации. Судя по фотографиям (Walkinshaw 1973), даже в этом случае она далеко не идентична. Наконец, что очень важно, элемент, который мы именуем «вокализацией», у других журавлей отсутствует.

Вместе с тем, в «танцах» стерха нет таких характерных для серого журавля элементов, как «парадный шаг», подбрасывание вверх травы и палочек, приседание на цевках и взъерошивание третьестепенных маховых (Schuster 1931; Moll 1957; Glutz von Blotzheim 1973). К сожалению, нам не пришлось также наблюдать позы угрозы, важной для понимания филогенетических отношений.

Голос. По некоторым литературным данным (Судиловская 1951; Перфильев 1965), голос стерха похож на голос серого журавля, но более громок, звучен и мелодичен. О. и М. Хайнрот (Heinroth, Heinroth 1928) и Латуш (La Touche 1931-1933), наоборот, подчёркивают несходство голоса стерха с голосом серого и других журавлей. Паллас (Pallas 1773) сравнивает его с лебединым криком (впрочем, сам Паллас живых стерхов на воле никогда не наблюдал). Уокиншоу (Walkinshaw 1973), который наблюдал стерхов на зимовке в Индии, подчёркивая несходство его голоса с голосом других журавлей, указывает, что крик стерха более музыкален, но не громок, и слышен не более, чем на 0.8-1.6 км. Иными словами, единой точки зрения здесь нет.

Проведя четыре полевых сезона в гнездовом ареале стерха, мы пришли к убеждению, что вокализация стерха в достаточной мере специфична. Прежде всего, в отличие от других видов журавлей, стерх – молчаливая птица. В частности, нам ни разу не пришлось слышать «унисонного дуэта» («unison call» или «unison duet»), который характерен и специфичен для всех представителей рода *Grus*. Этот унисонный дуэт исполняется обычно утром и вечером, а также при смене партнёров на гнезде, и слышен на большое расстояние. Не упоминает «унисонного дуэта» и Рощевский (1973), которому как раз удалось видеть смену птиц на гнезде. На зимовках, однако, унисонный дуэт у стерхов отмечен (Walkinshaw 1973).

Двухсложный крик стерха во время «танцев», насколько можно судить, не имеет аналогов в вокальном репертуаре других журавлей. Он повторяется 4-5 раз, очень малозвучен и при неблагоприятных условиях слышен всего на расстоянии 100-120 м. С высокого холма и при тихой погоде мы слышали его с расстояния около 800 м. Помимо этого крика, за всё время мы слышали только сигнал тревоги. Он издаётся в полёте, звучит как негромкое *«крррум»* и действительно напоминает соответствующий сигнал серого журавля.

Можно предполагать, что молчаливость стерха – явление неслучайное. В условиях открытого ландшафта с ограниченной из-за метеорологических особенностей слышимостью и при разреженной популяции зрительная сигнализация оказывается более эффективной, нежели звуковая. Действительно, стерх, демонстрирующий при «танцах» или в полёте движущиеся чёрные участки оперения на крыльях в сочетании с белой окраской тела, воспринимается зрительно как необыкновенно контрастное пятно. В то же время, спокойно кормящаяся или сидящая на гнезде птица в первую половину лета, когда в тундре ещё сохраняются многочисленные пятна снега, а на озёрах блестит лёд, малозаметна.

Интересно, что у других белых журавлей (американского, японского) редукции звуковой сигнализации не наблюдается. Это позволяет говорить о более высокой специализации стерха именно по отношению к тундровым ландшафтам. Об этом же, по-видимому, свидетельствуют некоторые морфологические особенности стерха: зазубрины на клюве можно рассматривать как приспособление для выдёргивания корневищ и стеблей из мёрзлой почвы. Действительно, у других растительноядных журавлей, не связанных с тундрой, зазубрин на клюве нет.

Особенности вокализации стерха в сочетании со специфичностью определённых элементов «танца» свидетельствуют об известной систематической обособленности этого вида в системе рода *Grus*.

Линька. Линька контурного пера у стерхов происходит на протяжении всего летнего периода. Во всех случаях, когда нам приходилось

видеть отдыхающих птиц, занятых чисткой оперения, можно было заметить значительное количество выпадающих перьев. Часто находили мы выпавшие перья и на местах кормёжки. Линька первостепенных маховых происходит в июле, но не у всех птиц синхронно. Так, во время облётов тундры на вертолёте 12-14 июля 1973 мы встретили как полностью не способных к полёту, так и уже летавших птиц с заметно отросшими маховыми. В то же время у части птиц линька маховых ещё не начиналась. Наиболее интенсивно в этот период линяли птицы в возрасте 2 лет.

Стерх с выпавшими маховыми не может летать, но бежит очень быстро, помогая себе крыльями, подобно линным гусям. Догнать его по земле абсолютно невозможно ни верхом, ни на вездеходе. Однако вертолёт настигает стерха быстро, и в это время могла бы быть отловлена и помечена значительная часть популяции.

Неблагоприятные факторы и гибель стерхов. На численности стерхов отрицательно сказываются два главных фактора: весенняя охота и прогон стад домашних оленей. Как мы упоминали, прилёт стерхов совладает с массовым пролётом гусей. В это время практически все мужчины из местного населения заняты охотой на гусей с профилями и проводят большую часть времени в засидках вдоль речных долин и русел. Именно в этот период низко пролетающие стерхи и гибнут под выстрелами, чаще даже без специального злого умысла охотников. В другое время стерха добыть трудно даже у гнезда, да и особых стремлений к этому у местных жителей сейчас нет.

Гнёзда стерхов часто гибнут при прохождении стад домашних оленей, сопровождаемых, помимо пастухов, собаками. Стерхи очень чувствительны к фактору беспокойства, и даже если гнездо не уничтожено оленями или собаками, птицы долго не возвращаются к нему, когда стадо пасётся в поле видимости. В таких случаях яйца быстро расклёвывают крупные чайки или поморники. Иногда потревоженные птицы вообще не возвращаются на гнездо. Нам известен случай, когда пара стерхов бросила очень сильно насиженную кладку после трёх попыток людей приблизиться к гнезду. Видимо, по этой же причине погибло гнездо, которое наблюдал Рощевский (1973). Никакого направленного сбора яиц и «потребления их в пищу», о котором говорят Воробьёв (1963) и Перфильев (1965), местное население не производит, так как найти гнездо стерха – задача не из простых. Как показал опыт, ни один из десятков опрошенных местных жителей (охотников, оленеводов, рыбаков) не мог даже отличить яйца стерха от гусиных и чаячьих.

В целом гибель стерхов в пределах гнездового ареала сравнительно невелика. Вероятно, она измеряется единицами в год и далеко не превышает сезонного прироста популяции. Во всяком случае, ни о каких заготовках «на корм собакам» мы сведений не имеем. Однако по мере

роста численности домашних оленей значительно возрастает угроза гнёздам. При современном невысоком потенциале размножения стерха и низкой численности этот фактор внушает самое серьёзное беспокойство. Организация заповедника или заказника в тундрах между реками Хрома, Лапча, Гусиная и Берелях – несомненно, наиболее реальный путь к сохранению якутской популяции стерха. Не менее актуальны выявление и охрана мест её зимовки.

Литература

Воробьёв К.А. 1963. *Птицы Якутии*. М.: 1-336.

Воробьёв К.А. 1967. Орнитологические исследования на Алазее (северо-восточная Якутия) // *Орнитология* **8**: 150-159.

Егоров О.В. 1965. Состояние численности водоплавающих и некоторых других птиц в дельте Лены и яно-индигирской тундре по материалам авиаучёта // *Природа Якутии и её охрана*. Якутск: 124-127.

Егоров О.В. 1971. Новые данные о распространении и численности стерха в Якутии // *Охрана природы Якутии*. Иркутск: 224-226.

Капитонов В.И. 1962. Орнитологические наблюдения в низовьях Лены // *Орнитология* **4**: 40-63.

Кириков С.В. 1966. *Промысловые животные, природная среда и человек*. М.: 1-347.

Нейфельдт И.А. 1973. Японский журавль // *Охота и охот. хоз-во* 11: 47-48.

Перфильев В.И. (1963) 2015. Новые данные по экологии стерха *Grus leucogeranus* // *Рус. орнитол. журн*. **24** (1174): 2783-2788.

Перфильев В.И. 1965. Стерх и его охрана в Якутии // *Природа Якутии и её охрана*. Якутск: 99-112.

Рощевский Ю.К. 1973. О гнездовании стерха в приянской тундре // *Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та* **126**: 34-37.

Судиловская А.М. 1951. Отряд Журавли Grues или Gruiformes // *Птицы Советского Союза*. М., **2**: 97-138.

Успенский С.М., Бёме Р.Л., Приклонский С.Г., Вехов В.Н. 1962. Птицы северо-востока Якутии // *Орнитология* **4**: 64-86.

Archibald G.W. 1973. *Methods for breeding and rearing cranes in captivity*. Intern. Crane foundation, Wisconsin: 1-23.

David A., Oustalet M.E. 1877. *Les oiseaux de la Chine*. Paris: 1-436.

Donald C.H. 1952. Bird migration across the Himalayas // *J. Bombay Nat. Hist. Soc*. **51**: 28-36.

Flint V.E. 1970. Siberian crane *(Grus leucogeranus)* // *Animals* **2**, 9: 417-419.

Glutz von Blotzheim U.N. 1973. *Handbuch der Vögel Mitteleuropas*. Frankfurt a/M, **5**: 1-700.

Heinroth O., Heinroth M. 1928. *Die Vogel Mitteleuropas*. Berlin, **3**: 1-285.

Hemmingsen A.M., Guildal J.A. 1968. Observations on birds in North Eastern China // *Spolia zool. Mus. haun*. **28**: 1-326.

Hume A. 1868. Stray notes on ornithology in India // *Ibis* **1**: 28-40.

Koning F.J. 1972. Siberische witte kraanvogels in Afghanistan // *Vogeljaar* 1: 4-8.

La Touche J.D.D. 1931-1933. *A Handbook of the Birds of Eastern China*. London, **2**: I-XXIII, 1-566.

Makatsch W. 1959. Der Kranich // *Neue Brehm Bücherei* **229**: 1-132.

Moll K.H. 1957. Fruhjahrszug und Balz der Kraniche // *Falke* 3: 75-78.

Novakowski N.S. 1966. Whooping crane population dynamics on the nesting grounds, Wood Buffalo National Park, Northwest Territories, Canada // *Canad. Wildlf. Service Report Ser*. **1**: 1-20.

Pallas P.S. 1773. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*. St. Petersburg, **2**, 1: 437-439.
Radde G. 1863. *Reise im Süden von Ost-Sibirien in Jahren 1855-1859*. St. Petersburg, **2**: 1-392.
Savage C.D.W. 1970. S.-W. Asia survey // *Bull. IWRB* **30**: 11-14.
Schuster L. 1931. Ein Beitrag zur Brutbiologie des Kranichs *(Megalortiis g. grus)* // *Beitr. Fortpfl. Vogel* **7**: 174-181.
Uspenski S.M. 1961. Zur Verbreitung und Biologie des Nonnenkranichs in Nordost- Sibirien // *Falke* 10: 334-337.
Walkinshaw L. 1973. *Cranes of the World*. New York: 1-370.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1208**: 3914-3916*

Нахождение выводков бородатой куропатки *Perdix dauurica* в каньоне реки Кызылтал в северо-восточных отрогах Джунгарского Алатау

Н.Н.Березовиков

*Второе издание. Первая публикация в 2003**

Распространение бородатой куропатки *Perdix dauurica* в Джунгарском Алатау до сих пор выяснено лишь в общих чертах. Странным образом она не была включена в список птиц Джунгарского Алатау (Корелов 1961), хотя к этому времени уже было известно о её нахождениях в ряде мест между реками Кора и Аксу (Шнитников 1949). В дальнейшем приводились указания о встречах бородатой куропатки в Тышкане, в окрестностях Джаркента, Талды-Кургана, Капала, Сарканда, в верховьях Биже и в Джунгарских воротах (Кузьмина 1962), но без конкретизации этих находок. В коллекции Института зоологии РК имеются гибридные экземпляры *P. dauricae* × *P. perdix* из гор Малайсары – западных отрогов этого хребта. На этом ограничиваются все сведения о бородатой куропатке в Джунгарском Алатау во второй половине XX века.

По нашим наблюдениям в 1999-2003 годах, бородатая куропатка населяет северо-восточные отроги Джунгарского Алатау вдоль западного побережья озера Алаколь и, в частности, горы Текели и Кайкан в междуречье Чинжилы, Тентека и Жаманты (800-1500 м над уровнем

* Березовиков Н.Н. 2003. О гнездовании бородатой куропатки в северо-восточных отрогах Джунгарского Алатау // *Каз. орнитол. бюл.:* 167-168.

Рис. 1. Река Кызылтал, приток Жаманты. Джунгарский Алатау. 23 июля 2012. Фото автора.

Рис. 2. Каньон реки Кызылтал. Джунгарский Алатау. 23 июля 2012. Фото автора.

моря), в ущельях которых она встречается регулярно и является объектом охоты. Серая же куропатка *Perdix perdix* в этом районе обитает

лишь на приозёрной равнине, прилегающей к Алаколю, Сасыкколю и дельте Тентека (400-500 м н.у.м.).

В 2003 году нам удалось обнаружить бородатую куропатку в каньоне реки Кызылтал (45°46' с.ш., 81°26' в.д.), правом притоке реки Жаманты, где 24 августа 2003 по крутому щебнистому склону с отдельными скальниками (1020 м н.у.м.) на обочине дороги при спуске по серпантину в каньон встречен выводок из 12 особей с почти доросшим лётным молодняком. На противоположном, левом борту этого каньона (1100 м н.у.м.) в этот же день был обнаружен второй выводок из 5 куропаток, державшийся на каменисто-глинистом участке.

Литература

Корелов М.Н. 1961. Список птиц и орнитогеографические районы Северного Тянь-Шаня // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* **15**: 55-103.

Кузьмина М.А. 1962. Отряд куриные – Gallifomes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 389-487.

Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-665.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1208**: 3916-3919*

К распространению и экологии куликов в Северном Приаралье и прилегающих районах

С.Н.Варшавский

*Второе издание. Первая публикация в 1973**

Фауна куликов Северного Приаралья и смежных районов Арало-Каспийской области Казахстана (Нижняя и Средняя Эмба, Западный и Северный Устюрт, область нижнего течения Иргиза-Тургая, Мугоджары, нижняя Сырдарья, Северные Кизылкумы) достаточно разнообразна. Находясь между 45 и 50° с.ш. и 54 и 64 °в.д. эта в основном равнинная территория включает зональные ландшафты южной степи, полупустыни и северной пустыни. Ей, согласно нашим наблюдениям 1947-1972 годов, свойственны 53 вида куликов.

Достоверно гнездятся здесь азиатский (или каспийский) *Charadrius asiaticus*, большеклювый (или толстоклювый) *Ch. leschenaultii*, морской *Ch. alexandrinus* и малый *Ch. dubius* зуйки, авдотка *Burhinus oedicnemus*, чибис *Vanellus vanellus*, белохвостая пигалица *Vanellochet-*

* Варшавский С.Н. 1973. К распространению и экологии куликов в Северном Приаралье и прилегающих районах // *Фауна и экология куликов*. М., **2**: 20-23.

tusia leucura, кречётка *Chettusia gregaria*, кулик-сорока *Haematopus ostralegus*, ходулочник *Himantopus himantopus*, шилоклювка *Recurvirostra avosetta*, большой кроншнеп *Numenius arquata*, большой веретенник *Limosa limosa*, перевозчик *Actitis hypoleucos*, травник *Tringa totanus*, поручейник *Tringa stagnatilis*, турухтан *Philomachus pugnax*, луговая *Glareola pratincola* и степная *G. nordmanni* тиркушки. Гнездование черныша *Tringa ochropus* и фифи *Tringa glareola* до сих пор требует подтверждения. Остальные кулики встречаются в Приаралье на пролёте весной и осенью, некоторые нередко летуют, 4 вида зарегистрированы как очень редкие залётные (короткоклювый, или монгольский зуёк *Charadrius mongolus*, кроншнеп-малютка *Numenius minutus*, лесной дупель *Gallinago megala* и плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius*.

В Приаралье проходят границы ареалов 10 гнездящихся видов куликов, в их числе 7 преимущественно степных и более северных форм (кречётка, большой кроншнеп, большой веретенник, поручейник, чибис, турухтан, степная тиркушка) и 3 южных (толстоклювый зуёк, белохвостая пигалица, луговая тиркушка).

Большой кроншнеп и большой веретенник не гнездятся южнее 48°-47°30' с.ш. Примечательно поэтому островное гнездование обоих видов, отмеченное в 1955, 1958 и 1959 годах под северным чинком Устюрта (46°30' с.ш.) на лугах урочища Донгузтау, образованных разливами низовьев долины Чеган.

Кречётка прежде также не селилась южнее 48° с.ш., в настоящее время она заметно расселяется к югу (Варшавский 1965). В 1955 и 1958 годах кречётка отмечена на гнездовье уже в Донгузтау и в отдельных местах северного побережья Аральского моря.

Южные пределы гнездового ареала чибиса, не считая наблюдавшегося в 1955 и 1959 годах размножения в Донгузтау, по-видимому, как и прежде (конец XIX – первая четверть XX века), определяются низовьями Эмбы, северным побережьем Арала, низовьями Сырдарьи. На Северном Устюрте, в Северных Кызылкумах гнездование чибиса нами не зарегистрировано.

Поручейник распространён крайне спорадично, поэтому говорить о южной границе ареала этого преимущественно степного кулика затруднительно. Очевидно, она тоже не простирается дальше 48° с.ш. Прежние данные о более южном гнездовании поручейника (Зарудный 1916; Спангенберг, Фейгин 1936) нуждаются в подтверждении.

Степная тиркушка за пределами степной зоны гнездится весьма спорадично. Наиболее важные находки её: озеро Жумарт у Больших Барсуков, под 48°15' с.ш. (Бостанжогло 1911), урочище Донгутзау, где в 1955, 1956, 1958 годах была довольно большая колония тиркушек, а также низовья Сырдарьи и, очевидно, Телекольские озера. Колония

этих птиц у Аральска (Спангенберг, Фейгин 1936) исчезла уже к 1946-1947 годам.

Наиболее северные пределы гнездования толстоклювого зуйка определяются на Западном Устюрте, по данным 1962 и 1965 годов, сором Кудай-Назар (около 44°35' с.ш.), и низовьями солёного протока Маначчи (45°10' с.ш.), на Северном Устюрте – сором Асмантай-Матай (Долгушин 1948), в Зааралье (данные 1955 года) – Телекольскими озёрами. Залётные особи неоднократно отмечались у Аральска.

Белохвостая пигалица не переходит низовий Сырдарьи, по данным 1947-1960 годов, в районах Бугуни, Аман-Уткуля, озера Камышлыбаш и Казалинска она крайне редка.

Луговая тиркушка спорадично гнездится в долине нижней Сырдарьи. Самые северные встречи этого вида – Телекольские озёра, на которых в 1955 году гнездились 2-3 колонии, и злаковые западины на отдельных участках северного побережья Аральского моря (1948, 1949, 1950 годы).

Распространение большинства гнездящихся куликов в Приаралье весьма неравномерно, очень различна и численность в разных ландшафтных условиях. Наиболее обычны каспийский, морской и малый зуйки, чибис, травник, ходулочник, авдотка, в отдельных районах – кречётка, большой кроншнеп, большой веретенник, перевозчик, степная и луговая тиркушки.

Азиатский, или каспийский зуёк – типичный вид глинистых полынно-биюргуновых ландшафтов северной пустыни, обычен в районах, прилегающих к северному берегу Аральского моря и в Приаральских Каракумах, местами – на Западном, Северном Устюрте и в Предустюртье Сроки размножения растянуты, но несомненно наличие двух выводков за сезон, пуховички (обычно 2, иногда 1 или 3) встречаются двумя волнами, чаще всего во второй половине мая – конце мая и с середины июня. Морской и малый зуйки в наибольшей степени связаны с околоводными ландшафтами полупустыни и северной пустыни, первый – чаще у солёных водоёмов (побережье Арала, берега соров в Приаральских Каракумах, на Устюрте), второй – больше у пресных вод (долины мелких степных речек, Эмбы, Иргиза, Илека и пр.).

Чибис, травник и ходулочник – птицы преимущественно солонцеватых лугов, влажных участков разнотравно-злаковых долин, пойменных участков и долин речек. Чибис более многочислен в среднем течении Эмбы, между последней и Мугоджарами и в особенности в области Иргиза и Тургая. Ходулочник также наиболее многочислен в последнем районе, здесь он вместе с чибисом встречается во всех околоводных ландшафтах, на берегах озёр, разливов, речных протоков и т.д. В отличие от него, шилоклювка распространена несравненно спорадичнее. Даже в наиболее благоприятном регионе, в нижнем течении Ир-

гиза и Тургая, шилоклювка, по наблюдениям 1971-1972 годов, встречалась не более чем у 5-10% обследованных водоёмов. Так же спорадичен этот кулик на Телекольских озёрах и в долине нижней Сырдарьи.

Интенсивность пролёта отдельных видов куликов в Приаралье далеко не одинакова в разные годы. В последние десятилетия очень сильно увеличилась численность пролётных популяций малого веретенника *Limosa lapponica*, камнешарки *Arenaria interpres*, мородунки *Xenus cinereus*, перевозчика и некоторых других. Эти виды в начале нынешнего века были очень редкими на побережья Арала, малого веретенника и камнешарку там почти не встречали (Бостанжогло 1911; Зарудный 1916). В первой половине1950-х годов пролёт малого веретенника на Аральском море заметно увеличился, в конце 1950-х и начале 1960-х годов он стал обычным пролётным видом весной, а камнешарка и мородунка – и осенью. Малый веретенник стал чрезвычайно многочислен на весеннем пролёте в середине-конце 1960-х – начале 1970-х годов и в низовьях реки Урал, где прежде (Бостанжогло 1911) тоже был очень редким. Основной причиной этого явления мы считаем возможную перемену пролётных путей и общее увеличение населения этих видов.

Литература

Бостанжогло В.Н. 1911. Орнитологическая фауна Арало-каспийских степей // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **11**: 1-410.

Зарудный Н.А. 1916. Птицы Аральского моря // *Изв. Туркестан. отд. РГО* **12**, 1: 1-229.

Спангенберг Е.П., Фейгин Г.А. 1936. Птицы нижней Сыр-Дарьи и прилегающих районов // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **3**: 41-184.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1208**: 3919-3920*

Золотистая ржанка *Pluvialis apricaria* в Краснодарском крае

А.М.Пекло, В.С.Очаповский

*Второе издание. Первая публикация в 1973**

Золотистая ржанка *Pluvialis apricaria* в Краснодарском крае редка на весеннем и осеннем пролёте. Приводим встречи последних лет: 23 марта 1952 на шоссе у посёлка Пашковский добыта одна особь. Второй

* Пекло А.М., Очаповский В.С. 1973. Золотистая ржанка в Краснодарском крае // *Фауна и экология куликов*. М., **2**: 69-70.

экземпляр был добыт из стаи в 6 птиц 6 марта 1964 близ станицы Саратовская на реке Псекупс (левый приток Кубани). Ещё одна золотистая ржанка добыта в середине сентября на низкотравном лугу недалеко от Шенджийского водохранилища в окрестности Краснодара.

С 13 по 20 ноября 1971 близ аула Новая Адыгея наблюдалось скопление золотистых ржанок, которые держались вместе с чибисами *Vanellus vanellus*. 13 ноября мы наблюдали здесь 30 золотистых ржанок, в последующие дни их количество стало увеличиваться и 20 ноября достигло максимального количества – 81 особь. Птицы держались двумя стаями и уже перелиняли в зимний наряд. На Черноморском побережье и в горах золотистая ржанка не отмечена.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1208**: 3920-3922*

О гнездовании сизоворонки *Coracias garrulus* в железобетонной опоре уличного освещения

П.С.Панченко

*Издание второе. Первая публикация в 2011**

Сизоворонке *Coracias garrulus*, как виду-склерофилу, свойственна такая же экологическая пластичность при выборе места гнездования, какая наблюдается у некоторых других представителей этой экологической группы – галки *Corvus monedula*, обыкновенной пустельги *Falco tinnunculus*, домового сыча *Athene noctua*. Гнёзда сизоворонки находили в расщелинах скал, в норах оврагов, ям и обрывов, в дуплах деревьев, в щелях и под крышами строений, в дымоходах, нишах колодцев и силосных ям, в стогах сена и соломы, гнёздах врановых птиц (Судиловская 1951; Иванов 1953; Cramp 1985; Рустамов 2005; и др.). В Луганской области в мае 2009 года возле железобетонных опор линии электропередачи наблюдали три пары сизоворонок с характерным территориальным поведением, отмечено посещение птицами полых вершин столбов, на основании чего сделано заключение о гнездовании в них птиц (Ветров 2010). Ниже приведены сведения, достоверно подтверждающие факт гнездования сизоворонки в железобетонной опоре.

На территории морского торгового порта «Южный» (Одесская область) 17 июля 2011 отмечена взрослая сизоворонка, которая кратковременно заглянула в отверстие вертикально установленной железо-

* Панченко П.С. 2001. О гнездовании сизоворонки *Coracias garrulus* в железобетонной опоре уличного освещения // *Беркут* **20**, 1/2: 176-177.

бетонной опоры для уличного освещения, а затем улетела. При этом из опоры доносились крики птенцов. Спустя два дня с вершины столба также были слышны крики птенцов. Сидевшая рядом на дереве взрослая птица с криками бросилась на пролетавшую мимо обыкновенную пустельгу, но после непродолжительного преследования сокола сизоворонка вернулась и вновь села на дерево. При специальном наблюдении 23 июля 2011 удалось проследить прилёт взрослой особи с кормом к гнезду и кратковременное погружение птицей передней части тела вглубь опоры для передачи корма птенцам. До и после посещения гнезда взрослой птицей оттуда доносились крики птенцов, а во время передачи корма их вокализация была более интенсивной. Во время следующего посещения этого места 4 августа криков птенцов слышно не было и взрослые птицы не наблюдались. Вероятно, птенцы покинули гнездо, и семья переместилась в более благоприятное место. Гнездо сизоворонок располагалось в вершине столба, на который сверху надет металлический кронштейн с фонарём освещения. Высота столба над уровнем земли составляет 8.5 м. Во всех опорах уличного освещения порта имеется осевая полость, диаметр которой в вершинной части достигает 8-10 см. Множество таких опор используется для гнездования обыкновенным скворцом *Sturnus vulgaris*. В столбе, облюбованном сизоворонками, вершинная часть была немного разбита, поэтому осевое отверстие имело больший диаметр, что позволило птицам проникнуть в полость опоры. Вероятно, в качестве гнездового субстрата сизоворонкам послужили остатки гнезда обыкновенного скворца, размещавшегося на глубине 30-40 см от вершины опоры. Несмотря на то, что в ночное время фонарь работал, исходящий от лампы свет, из-за особенностей конструкции фонаря, внутрь опоры не проникал и птицам не мешал. Следует отметить, что место гнездования сизоворонок располагалось в малопосещаемом людьми и техникой месте на границе между территорией порта и сельскохозяйственным полем. При этом, ближайший пригодный для гнездования сизоворонок биотоп (береговые обрывы моря), где постоянно гнездятся сизоворонки, находился в 1 км от места расположения опоры. Описанный выше случай гнездования сизоворонок в железобетонной опоре на территории Одесской области, по всей видимости, не единичен, о чём говорят встречи птиц в репродуктивный период возле высоковольтных линий электропередачи, расположенных вдали от типичных мест гнездования вида.

Литература

Ветров В.В. 2010. Новые гнездящиеся птицы Луганской области и новые гнездовые адаптации // *Птицы бассейна Северского Донца* **11**: 74-76.

Иванов А.И. 1953. Отряд Coraciiformes – Ракшеобразные // *Птицы СССР*. М.; Л.: **2**: 291-306.

Рустамов А.К. 2005. Сизоворонка // *Птицы России и сопредельных регионов*. М.: 182-193.

Судиловская А.М. 1951. Сизоворонка // *Птицы Советского Союза*. М., **1**: 491-500.
Cramp S. (ed.) 1985. *The Birds of the Western Palearctic*. Oxford Univ. Press, **4**: 764-776.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск ***1208****: 3922-3923*

О необычном способе охоты малой выпи *Ixobrychus minutus*

И.Р.Мерзликин

*Издание второе. Первая публикация в 2011**

Известно, что малые выпи *Ixobrychus minutus* охотятся по краям водоёмов среди густых зарослей ивняка или травянистых растений. На глубоких местах они подстерегают добычу, сидя на ветках деревьев или кустов, свисающих над водой, или держатся на растущих в воде растениях (Смогоржевський 1979). Добычу птицы выхватывают из воды резким броском головы, оставаясь сидеть на стебле растений или медленно передвигаясь среди них. Нам пришлось наблюдать необычный способ охоты малой выпи на рыбу на озере Чеха в городе Сумы. Здесь в тростниковом массиве ежегодно гнездятся 2-3 пары этих птиц (Мерзликин, Шевердюкова 2005). 28 июня 2011 в 7 ч 23 мин молодая выпь сидела на сухой ветке на высоте 1.5 м над водой среди тростника, растущего у кромки воды, и высматривала добычу. В это время на расстоянии 3 м от берега появился небольшой лещ *Abramis brama* около 10 см длиной, который держался у поверхности воды и плыл параллельно берегу. Верхняя часть его спины виднелась над водой. Заметив рыбу, выпь взлетела, пролетев 3 м, спикировала в воду и схватила её. Затем она развернулась и поплыла к берегу. Тело птицы почти полностью было погружено в воду, над поверхностью возвышалась только шея и голова с добычей. Выйдя на сушу, малая выпь отряхнулась и принялась глотать леща. Сразу ей это не удалось. В это время из соседней куртины тростника к ней подлетела другая молодая малая выпь и попыталась отнять добычу. Первая птица улетела, выронив рыбу. Через 20 мин она вернулась на прежнюю присаду и опять принялась высматривать добычу. Пошёл сильный дождь, и птица, так ничего и не поймав, скрылась в тростниках. В течение нескольких лет автор неоднократно наблюдал охотящихся малых выпей на разных водоёмах, но никогда не отмечал подобного поведения.

* Мерзликин И.Р. 2011. О необычном способе охоты малой выпи // *Беркут* **20**, 1/2: 72.

Литература

Мерзликин И.Р., Шевердюкова А.В. 2005. Озеро Чеха – перспективный объект для создания в городе Сумы комплексного заказника местного значения // *Наукова спадщина академіка М.М.Гришка: Мат-ли Всеукр. наук.-практ. конф.* Глухів: 101-102.

Смогоржевський Л.О. 1979. *Фауна України. Птахи.* Киев, **5**, 1: 1-188.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1208**: 3923*

Зимние встречи степного орла *Aquila nipalensis* в Южном Казахстане

В.Г.Колбинцев

*Второе издание. Первая публикация в 2006**

Зимой, 29 декабря 2006, вдоль трассы Чимкент – Тараз (Джамбулская область), одиночные степные орлы *Aquila nipalensis* были зарегистрированы у долины реки Терс и в восточных предгорьях Малого Каратау под перевалом Куюк. Сроки наблюдений указывают на то, что некоторые птицы в отдельные годы могут оставаться на зиму. Подобные зимние встречи степных орлов на юге Казахстана стали отмечаться с 1992 года и в последние годы начинают приобретать регулярный характер. Ранее в это время года их уже видели в районе заповедника Аксу-Джабаглы, в окрестностях Чимкента, в долине реки Сырдарьи и у Чардаринского водохранилища (Колбинцев 1997; Ерохов, Белялов 2003; Ерохов и др. 2005).

Литература

Колбинцев В.Г. 1997. Залёты редких видов птиц в предгорья Западного Тянь-Шаня // *Биологическое и ландшафтное разнообразие Республики Казахстан*. Алматы: 142.

Ерохов С.Н., Белялов О.В. 2003. О численности зимующих хищных птиц в предгорной зоне Алматинской и Жамбылской областей // *Каз. орнитол. бюл.:* 205.

Ерохов С.Н., Коваленко А.В., Кравченко С.А. 2005. Основные результаты учётов зимующих водоплавающих и хищных птиц в бассейне среднего течения Сырдарьи // *Каз. орнитол. бюл.:* 57-59.

* Колбинцев В.Г. 2006. Краткие сообщения о степном орле // *Каз. орнитол. бюл.:* 142.